

ВОЙНА И МИР ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА

Ирина Чечель

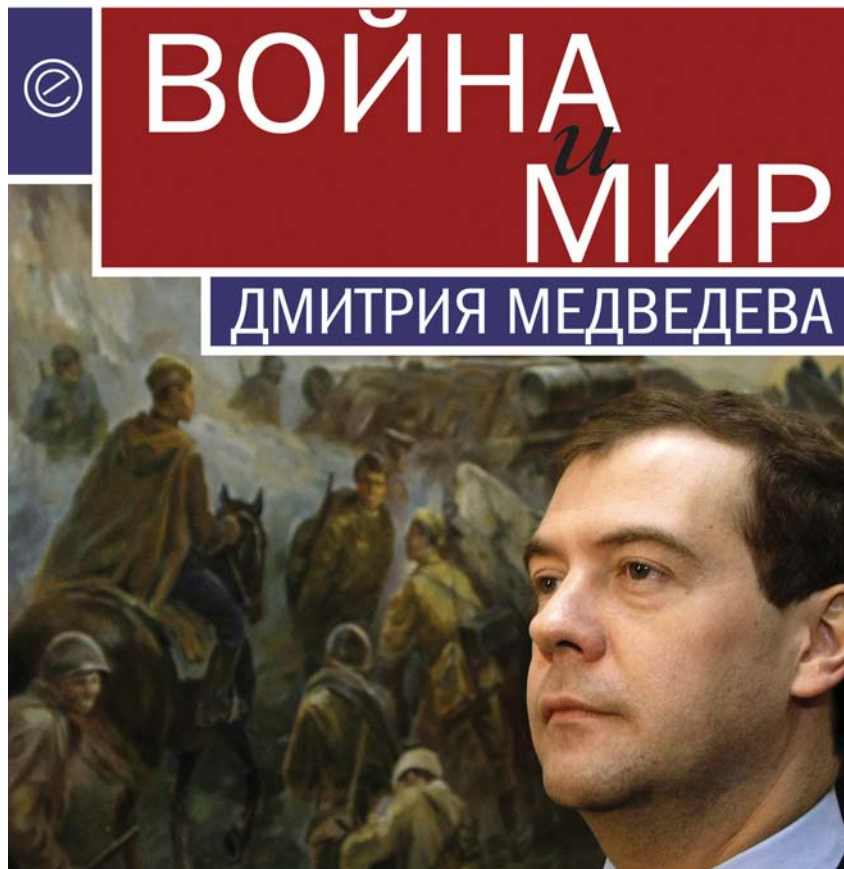
Война и мир Дмитрия Медведева. М.: Изд-во «Европа», 2009

Модернистские общества с их революционными движениями начинаются, по Дж. Грею, как «апокалиптическая политика», постмодернизм спокойно расхаживает с сумой «апокалипсиса сегодня». Не важно, что в них — тысячи значений. Важно, что апокалипсис уже произошел. Сборник, изданный издательством Европа через год после грузино-осетинского «кейса», — пример работы с обиходным апокалипсисом. Иначе не объяснить основного принципа почти каждой из статей: авторы уходят от анализа военного конфликта 8 августа в темы, имеющие к нему малое отношение.

Грузино-осетинская война 2008-го года отчетливо позволяет говорить и о крахе современного политического мышления, и о драме Косово, и о «стабильности» геополитических интересов США (Дж. Фридман), и о почти карикатурной «дьяволиаде» неоконсерваторов (П.К. Робертс), и о развитии Венесуэлы, Ирана, Никарагуа и о регионализации ЕС (С. Лурье), и о Голливуде, и о понимании справедливости и цивилизации Гуго Гроцием и Платоном... Да мало ли о чем!

Каждый автор выводит разговор на собственное болезненное, неуживчивое с новым, несостоявшимся миром, требование ясности. А его и не возникает.

Сборник дает представление о широком спектре мнений, относящемся к эпохе, обязывающей действовать. Тем не менее, он же демонстрирует: большинство из нас — наблюдатели и исследователи по обе стороны океана — не удосужились посчитать, что «политика свершившихся фактов» (П.Р. Де Алмейда) — статистическая погрешность не только российской, а всеобщей современности. Что сегодняшняя мировая политика полна вопросов, на которые никто не готовился отве-

чать. Один из них — будущая Россия с ее глобальной стратегией медведевской «стандартизации».

Понятие-консервант, призванное выделить неприкосновенное, медведевские «стандарты» — заинтересованность в «незыблемом» не меньше, чем в изменениях. Причем «неприкасаемое» — не опытно выработанное понятие. Это объективация всеобщего и, таким образом, первооснов *всякого* государственного существования. Это кадры-индивидуалисты и «свободные граждане». Это непредсказуемый и в то же время приветствуемый баланс политики: *индивидуальная свобода* лучше, чем *государственная несвобода*.

Элемент личного соответствия и элемент жестко отстаиваемой «всеобщности» политики — вот качели новой нормализации. В виде soft power в нее активно вводится пред-

положение: опыт путинской России не оценим как опыт «свободного участия» граждан в national building, редкий для русской истории.

Нормализация по Медведеву — способ субъективировать и в то же время невероятно ужесточить политический процесс. Вторая часть этой формулы может и будет обладать международным резонансом. От сложного выстраивания концепции евроатлантической безопасности до переосмысления роли современного суверенитета.

Идеалист Медведев или реалист — покажет время. Однако уже сейчас любой разговор о российском президенте — краш-тест состояния всего миропорядка и заявка на осмысление новой глобальной стратегии России. В ближайшее время ею будут заниматься не столько представленные в сборнике эксперты. ■